

Желтая гора / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу
написано кітарсу | 24 января, 2025
Желтая гора / рассказ ЖЕЛТАЯ ГОРА

Было сухо, тепло и желто. Тело было легкое. Странная женщина, вросшая в землю, кормила его с рук красными ягодами. Белый пушистый ком прижимался к щеке, теплый, тяжелый ком.

И раздался взрыв.

Прядильников закричал и проснулся. Он сел в постели, протер глаза, огляделся и понял, что он спал в своей однокомнатной квартире и что его разбудил трезвон будильника. Он потянулся, опустил ноги на пол, прошел к столу, включил магнитофон. По утрам он слушал рок. И в это утро он слушал рок. Это бодрило, как крепкий индийский чай или густой бразильский кофе. Прядильников раздвинул шторы. На улице было солнечно. Стояла ранняя теплая русская осень.

Прядильников прошел босиком в туалет, потом в ванную. Умывшись, он пошел в кухню, достал из холодильника три яйца, зажег газ под чайником и под сковородкой. Сковородка нагрелась, он опустил в нее кусок сливочного масла, масло быстро растопилось, и в желтую пенную лужицу выскользнули три яйца, выпуклых, бледно-желтых, подернутых прозрачной слизью.

Оставаясь в одних трусах, Прядильников сел за стол, съел яичницу, три бутерброда и выпил две чашки рубинового горького чая. Позавтракав, он вернулся в комнату, взял пепельницу, спички, сигареты и лег в постель, треснул спичкой, прикурил. Над лицом вились сизые чубы и локоны.

Рок рокотал: эй, пойдём с нами, у нас все просто, черное – черное, белое – белое, лучше лежать на поляне с подругой и банкой пива, чем играть в игры взрослых идиотов, лучше быть нищим, но никому не врать, никому не подчиняться и никем не повелевать, мы советуем тебе любить себя, подругу и пиво и не мешать остальным делать то же, это лучше, чем рассуждать о любви ко всему человечеству, требовать, чтобы все друг друга любили, не любя себя, чтобы превыше всего ставили идею и

долг, – это лучше, чем требовать, рассуждать, заставлять и время от времени устраивать резню ради торжества своих человеколюбивых идей, ты не верь, нет, не верь, никому, никогда, ничему, дружище, не верь.

Никотин и рок растворялись в крови, Прядильников балдел.

Ты не верь, нет, не верь...

Настроение было что надо. Оно редко бывало хорошим. Этакая вечно надутая цаца. Все ей не так. А сегодня все так. С чего бы?

Кажется, приснилось что-то?

Да, вроде бы.

Надо вспомнить. Но – потом, потом. Сейчас – рок.

Прядильников посмотрел на часы. Пора. Он встал, надел джинсы, черный свитер и замшевые легкие туфли. Погляделся в зеркало. Ничего. Посвежел. Прихрамывая, Прядильников вышел из квартиры. У подъезда стоял его «броневик» – «Запорожец» песочного цвета. Прядильников протер тряпкой затуманенные стекла, сел, повернул ключ зажигания, прогрел мотор, включил первую скорость, тронулся. «Броневик» проплутал по каменным лабиринтам, выбрался на широкую улицу и заскользил мимо остановок и толп, магазинов и ресторанов. Прядильников включил приемник, покрутил колесико настройки и нарвался на рок. Рок рокотал все то же: если ты не успел свихнуться от речей и призывов пузачей в цилиндрах, иди к нам, мы никуда не идем, потому что некуда идти, и мы не врем, что куда-то идем и в конце концов придем, мы топчемся на месте, и нам наплевать, кто ты – красный или черный, левый или правый, христианин или буддист, безбожник или анархист, ты человек, и этого достаточно, и этим все сказано, ты пришел к нам, значит, ты устал от человеколюбивых басен, написанных твоей и моей кровью, пускай они проламывают друг другу цилиндры и головы, а мы будем смотреть на солнце, целовать подруг и слушать рок, нас объединяющий рок, нашу идеологию и религию – рок!

«Хорошо, – подумал Прядильников. – Только наивно, ребята. Дяди в цилиндрах вдруг поругаются, обзовут друг друга козлами и пришлют вам повестки. И никуда вы не денетесь, пойдете защищать честь цилиндров и выпускать кишки братьям во Роке».

Он въехал на стоянку, подумав, что сегодня нужно было не сюда приехать, поставил свой броневик рядом с черными и серыми «Волгами» и захромал к парадному входу дома с колоннами. «Не туда приехал», – опять подумалось.

В здание входили степенные мужчины в костюмах и при галстуках, они чинно кивали и подавали друг другу мягкие белые руки; входили и женщины, одетые на один лад – а-ля Железная Леди из Лондона.

В доме с колоннами, на четвертом этаже, под крылом и неусыпным оком областных властей находились редакции двух газет, партийной и молодежной.

Сотрудником последней и был хромоногий прокуренный худосочный молодой человек по фамилии Прядильников. Уже год он приходил в этот дом каждое утро. Пора бы привыкнуть. Но не привыкалось как-то. И в это утро, оказавшись в просторном вестибюле с зеркалами, автоматами для чистки штиблет и двумя милиционерами за столиком с черными и белыми телефонами, Прядильников почувствовал неловкость, как если бы он незваным гостем заявился на пир, к тому же на пир иностранцев. Он прошел мимо милиционеров, глядя в сторону. Так и не научился барски кивать им, а братски – не мог.

Здесь было два лифта, один отвозил тех, чьи кабинеты были в правом крыле, другой – левокрылых кабинетчиков. Ему нужно было налево, но среди левокрылых он увидел знакомое круглое лицо и повернул направо. Ну его, этого Завсепеча. Прилипала. Он заведующий сектором печати, под его контролем пресса всей области. Начинал партсекретарем в колхозе «Двадцать лет без урожая» или как там. Теперь – Завсепеч.

Однажды, накануне 23 февраля, Завсепеч предложил Прядильникову выступать на торжественном собрании. Прядильников отказался: не умею говорить, не знаю, что говорить, нет. Завсепеч начал подсказывать, что нужно и как нужно, и разошелся: наш народ столько лет живет под мирным небом, а тебе, твоим сверстникам выпала... э-э... выпало... выпала, то есть обстоятельства так сложились, что вам... вас позвал интернациональный долг с оружием в руках защищать весеннюю революцию братского южного соседа, и вот вы оказали эту помощь, не мог бы ты прийти с

орденом, чтобы мы могли полюбоваться и удостовериться, что на смену нам идет достойная смена, традиции, интернационализм.

Испания, герои революции, южные рубежи, американцы не дремлют, что где плохо лежит, они тут как тут – цап! – но вы не дали этим коршунам и ястребам расклевать юную революцию, террор, бандиты, происки, отвага, честь, русское оружие, солнечному небу – да! да! да! – ядерному взрыву – нет! нет! нет!

– Я отдал орден в починку, – сказал Прядильников. Редактор из-за спины Завсепеча показал ему кулак. – Это как же? – удивился Завсепеч. Редакция весело молчала. Редактор корчил жуткие рожи позади Завсепеча. – Резьбу сорвал, – сказал Прядильников. – Часто надевал. – Выступишь без ордена, – отрезал редактор. – Он выступит, Демьян Васильевич.

Но Прядильников на следующий день выпросил у заведующей отделом, своей начальницы, задание и исчез на целый день. С тех пор Завсепеч останавливал при встречах Прядильникова, похлопывал его по плечу и говорил:

– Молодой человек, мне кажется, ты чего-то недопонимаешь, конечно, ты принимал непосредственное, как говорится, участие, но из окопа видишь только одно поле боя, и, даже если видишь все поля сражений, – этого недостаточно, потому что, кроме явных сражений, есть тайные, незаметные поверхностному взгляду, есть хитросплетения, недоступные поверхностному мышлению...

Прядильников вошел в кабину с двумя женщинами и седовласым мужчиной. Лифт поплыл вверх. Мужчина неодобрительно смотрел на ветхие джинсы журналиста, наверное, он жалел, что только женщинам запрещено входить сюда в капиталистических штанах. Прядильников поглядывал на женщин в строгих костюмах. Сухая вода. Кривая прямая. Сладкий лимон. Впрочем, правильно, все правильно, подумал он, глядя на чиновниц. И еще правильнее будет выгнать к черту всех мужиков из этого дома. Мужики нет-нет да и дадут слабину. А эти уж – шиш.

Он вышел на своем этаже и заковылял по малиновым ковровым дорожкам в левое крыло. Проходя мимо двери, на которой было написано «Обллит», вспомнил, как однажды застопорили вторую полосу молодежной газеты. В литературоведческой статейке в

одной строке оказались один известный писатель и Булгаков. Редактору позвонили и сказали, что известный советский писатель и Булгаков в одной хвалебной строке – нонсенс. Редактор – покладистый мужик. Но иногда стих на него накатывает, ходит он ходит, молчит и молчит, делая, что скажут, и вдруг увидит очередной кумачовый лозунг: «Топтать головные уборы строго воспрещается!» – сорвет шапочку и – давай ее месить ногами. И в тот раз стих нашел. Редактор ответил, что он, весь коллектив редакции, автор статьи и умные люди планеты не видят в этом никакого нонсенса. Но тот, кого он таким образом зачислил в неумные люди, был выведен из себя и сказал следующее: воспевание белятины на руку врагам, враждебная ностальгия, упаднический тон, мировые ценности социалистического реализма, выпады и шпильки, растлевающее влияние на формирующиеся сердца и умы, искаженное изображение действительности, мы, советские люди, ощущая величие будней, мы заявляем решительное нет! – не стоять рядом с советским грандиозным литератором этому воспевателю, оплевывателю!

Но редактор – ни в какую: «Пускай газета вообще не выходит. Весь номер». – «Это как? Как понимать? Саботаж?» – «Да, саквояж», – ответил шеф и бросил трубку. Через пять минут его вызвал Главный Цензор Обллита. Он выслушал шефа и порекомендовал растянуть предложение так, чтобы один писатель стоял в одной строке, а другой – в другой, Соломон.

В отделе учащейся молодежи уже было дымно и пахло кофе. Заведующая отделом захлопала в ладоши:

– О! Федя и вчера не пил!

– Денег, видно, нет, – предположил бородатый корреспондент отдела, красивый и печальный, как Гаршин.

– Федя, иди ко мне, – позвала заведующая.

Прядильников приблизился к ее столу, она положила сигарету на край пепельницы, привстала, цепко обхватила рукой его шею, пригнула его голову и поцеловала в губы. Бородач сказал: бис. Корреспондентка, недавняя выпускница МГУ, крошечная девочка с большими карими глазами и кудряшками, покраснела и отвернулась.

– Ладно, больше не буду, а то Марина нальет мне когда-нибудь

яду в кофе, – сказала заведующая и отпустила Прядильникова.

– Хм! – сказала юная журналистка.

Прядильников сел за свой стол.

– Марина, дай же ему кофейку, – сказала заведующая, беря сигарету и затягиваясь.

– Хочешь? – спросила крошечная журналистка, тепло взглядывая на Прядильникова. Он кивнул.

Девушка встала, грациозно прошла к книжному шкафу – бесшумно и плавно, взяла кофейник, налила в большую чашку коричневой жижи и отнесла ее Прядильникову. Тот поблагодарил, взял чашку, коснувшись пальцами ее маленьких пальцев. Заведующая, тридцатилетняя женщина, уже начавшая борьбу со здравым смыслом и временем, осторожно улыбнулась, – она с недавних пор редко и осторожно улыбалась, чтобы было меньше морщин. Борода тоже улыбнулся, мечтательно: какие ножки.

– Федя, у тебя что, действительно нет денег? – спросила заведующая.

– Есть, – откликнулся Прядильшков, прихлебывая кофе. – Просто я решил стать ангелом.

– Я дам, ты не стесняйся, – сказала заведующая.

– Она даст, не сомневайся, – сказал вошедший в комнату фельетонист и карикатурист Гостев. – А мне дашь, Луиза?

Луиза, то есть Лиза, заведующая, ответила невозмутимо:

– А у тебя одно на уме.

– З. Фрейд говорит, что это у всех всегда на уме.

– Интересно, что сегодня на уме у шефа? Ты его видел? С той ноги он изволил встать с койки?

Гостев хотел отчебучить по поводу редактора и койки, но не успел. Дверь отворилась и, чадя папиросой, в комнату вошел редактор, крупный ушастый мужик в очках.

– Егор Петрович! – воскликнул Гостев, вытягивая руки по швам и выпячивая грудь. – Ррота! Смиррна!

– Пшел вон, – сказал редактор, показывая в улыбке большие прокуренные зубы.

– Эсть! – Гостев вышел вон строевым шагом, но тут же вернулся. – Разрешите здесь покараулить! – воскликнул он, замирая у двери.

– Балбес, – сказал редактор.

– Пшел вон, – сказал редактор, показывая в улыбке большие прокуренные зубы.

– Эсть! – Гостев вышел вон строевым шагом, но тут же вернулся. – Разрешите здесь покараулить! – воскликнул он, замирая у двери.

– Балбес, – сказал редактор.

– Рад стараться!

– Доброе утро, Егор, – сказала заведующая. Десять лет назад редактор вышел из комсомольского возраста, но считал себя молодым и поэтому настаивал, чтобы его звали просто Егором, если, разумеется, рядом не было посторонних.

– Доброе, – откликнулся редактор. – Кофе пьете?

– Кофе редактору! – рявкнул Гостев и бросился к шкафу наливать кофе в здоровенную глиняную редакторскую кружку.

Посмеиваясь, редактор сел на свободный стул.

– Ну, что ты, Федя, глядишь так печально своими синими брызгами? – спросил редактор, улыбаясь Прядильникову. Он всегда задавал этот вопрос, если вставал с той ноги. Синие брызги он одолжил у Есенина, своего любимого поэта.

– Федя и сегодня огурчик, – сказала заведующая.

– Дэ? – Редактор окинул его взглядом. – Что, нет денег? А я не дам, и не проси, ни! Бутылки пустые сдашь – на хлеб хватит. Просохни.

– Его женить надо, – сказала заведующая, поводя глазами в сторону Марины.

– Женим, – решительно сказал редактор.

– Скорее бы, – вздохнул Борода. У него жена убегала к матери, если он приходил пьяным и не мог убедить ее, что на то были веские причины.

Хорошенько размяв языки, журналисты взялись за перья.

Прядильников работал над статьей о военно-патриотическом воспитании в школах города. Прядильников писал. Сбоку на него поглядывала Марина. Борода ушел брать интервью. Заведующая искала какую-то книгу в шкафу.

Прядильников водил кончиком ручки по бумаге, а стая медленно опускалась в степь перед голыми мягкими горами; он и другие

часовые молча смотрели, как большие черные птицы с маленькими головами садятся в траву и цветы; было раннее утро, было тихо, рота спала в бронетранспортерах, птицы приземлялись, складывали свои огромные крылья, чистили клювами перья и, озираясь, ходили в цветах, у них были белые полоски от клюва до груди и красные шапочки, они то и дело замирали, повернув лица в сторону колонны, и приглядывались; часовые не шевелились, и, наверное, птицы принимали их за столбы, а бронетранспортеры им казались спящими зелеными черепаками; птицы с белыми шеями расхаживали по степи, птицы были черны, степь зелена, спали голые горы и стадо зеленых черепах, небо на востоке уже светилось ало, было тихо, тепло... Отворилась дверь.

– Это я даже не буду передавать в Обллит, Федор, – сказал редактор, входя и протягивая рукопись Прядильникову. – Разорвут.

– Я так и думал, – ответил Прядильников.

– Понимаешь...

– Понимаю, что я, не советский, что ли.

– Ну, ты не обобщай. И не расстраивайся. Вот. И знаешь, пиши-ка в стол пока. Когда-нибудь, быть может... гм. А сейчас – увы.

– Понятно.

– И еще. Знаешь, как-то однобоко все у тебя выходит. Неужели все так мрачно было? Один негатив, мм?

– Нет, почему. Сигареты бесплатные давали. На операциях можно было не бриться. Вернее, бриться-то нужно было, но офицеры смотрели на щетину сквозь пальцы. Что еще? Водку в бензобаках из Союза привозили.

– Ха-ха, – невесело хохотнул редактор.

– Тридцать чеков бутылка. Но можно было сбегать дехканам старые сапоги, бензин, солянку, чтобы на бутылку набрать.

– Негатив, сплошной негатив. Журналист должен быть объективным. В одной статье должен быть и негатив и позитив. Вот что такое объективность.

– Не умею. Туп, однополушарен.

– Чего?

– Одно полушарие работает, то, которое пессимистическое, а

оптимистическое от обжорства лопнуло.

– Не пори чушь. И учись быть объективным. Учись, Федор, – сказал редактор и вышел.

– Мемуары? – спросила холодно заведующая. Ей не понравилось, что Прядильников отдал рукопись редактору, а не ей.

– Мемуары. И ничего общего с темой нашего отдела, – сказал Прядильников.

Заведующая промолчала.

– Федя, – позвала Марина. – Дай мне, пожалуйста, почитать.

– Это ерунда.

– Ну, Федя.

Он пожал плечами и протянул ей рукопись.

Олег ЕРМАКОВ «Зимой в Афганистане» / рассказы. Neкаýalar